

Зеленина Елена Васильевна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой журналистики и рекламы,
Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой,
127349, г. Москва, ул. Лескова, 6, корп. Б,
e-mail: zelenina@dashkova.ru

Zelenina Elena V.

PhD in philology, Associate Professor,
Head of The Chair of Journalism and Reklama,
Dashkova Moscow Humanitarian University,
127349, Leskova street, 6, e-mail: zelenina@dashkova.ru

**ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА:
ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Философская публицистика удовлетворяет общественный запрос на смысловое постижение жизни, она не только запечатлевает возникновение и развитие идей, влияющих на современную действительность, но и моделирует будущее, ее цель в служении общественной нравственности и справедливости, публицист улавливает вызовы времени, переводит в образы и передает общественному сознанию, актуализируя в гражданском восприятии важные мировоззренческие основы, служит каналом связи между обыденным и научным сознанием, обеспечивает смысловые ориентиры в условиях общественной трансформации и ценностного кризиса.

Ключевые слова: философская публицистика, публицист-мыслитель, философское постижение жизни, общественная нравственность и справедливость, гражданское восприятие, мировоззренческие основы, история эпохи, ценностный кризис, преемственность традиции, смысловые ориентиры.

**PHILOSOPHICAL PUBLICISM:
VALUE AND MEANING ASPECTS**

Philosophical publicism satisfies public demand for meaningful comprehension of life, it is not only captures the emergence and development of ideas that affect the contemporary reality, but also models the future, its purpose in the service of public morality and justice, publicist picks challenges, translates into images and sends the public consciousness, actualizing in civilian perception important ideological basis, serve as a liaison between the common and scientific consciousness, provides meaningful benchmarks in conditions of social transformation and value crisis.

Keywords: philosophical essays, writer and thinker, philosophical comprehension of life, social morality and justice, civil perception, philosophical foundations, history of the era, crisis of values, the continuity of tradition, meaningful benchmarks.

Журнал «Русский репортер» в номере, посвященном пятилетию издания, выдвинул свою версию со- временных медиатрендов, где числом семь обозначил, что наиболее актуально в современном комму-

никативном пространстве. Хочется продолжить начатый «репортерами» разговор, чтобы добавить забытый ими неучтенный ими тренд. Мыслящая аудитория прессы создает стойкий спрос на созидательный дух, совесть и философское постижение жизни, т.е. на тексты, аккумулирующие в себе перечисленные качества, — философскую публицистику и ее «обжигающие смыслы».

Справедливости ради надлежит сказать, что в своей картине информационного мира авторы популярного журнала все же увидели главное: «В обществе очевиден запрос на реальное смысловое качество. Люди готовы платить не тем, кто предоставит им максимум новостей или развлечений, а тем, кто избавит их от шума, от лишней информации и эмоций» [6].

В.Г. Распутин считает, что слова Ф.М. Достоевского: «Дьявол с Богом борются, и поле битвы — сердца людей» — будут вечным эпиграфом к человеческой жизни. Вслед за ним можем сказать, что философская публицистика, метафорически выражаясь, куется в этой борьбе. Как и любое проявление мудрости, публицистика, прежде всего, плод разума, но только та мысль находит отклик у читателя, которая заставляет сопереживать. Хорошо иллюстрирует процесс взаимодействия рационального и эмоционального строфа Н.А. Некрасова: «Зрела в тебе сокровенная дума, // В сердце твоём совершалась борьба», но еще более точно формулирует один из малоизвестных современных поэтов: «Обретают высокие смыслы думы, зреющие в сердцах». Эти «высокие смыслы», идущие от сердца к сердцу, накрепко соединяют публициста-мыслителя и его читателя.

За последнее десятилетие философская публицистика не то чтобы

исчезла из информационного пространства, но стала менее заметной, не такой обсуждаемой, как ранее. Распутин видит причину в общем состоянии угнетенности людей «...от извержения «отравляющих веществ» под видом новых ценностей, состояние, при котором о чем-либо еще, кроме спасения, думать трудно... Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека — в вере, идеалах, нравственном, духовном прямостоянии [11].

Говоря о современной эпохе, публицист-мыслитель определяет ее знаковые черты так: «Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия — отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей — от ничего, под тоскливый вой души» [11].

Актуальность содержания философской публицистики всегда связана с эпохой, духом времени. В пору вспомнить, что публицистика, по словам Чернышевского, создает историю современности. Добавим к этому, что философская публицистика запечатлевает историю возникновения и развития идей, повлиявших на современную действительность. Кроме того, на основе «истории современности» она моделирует контуры грядущего дня. В начале XX в. религиозный философ и публицист Л.П. Карсавин утверждал, что исследователь отыскивает прежде всего индивидуальные моменты и ищет ин-

дивидуальные характеристики эпохи, так как для каждого времени требуется свой, особый способ изучения. Как отмечает Карсавин: «моменты эпохи... не совпадают с условными, довольно «приблизительными» понятиями идеологии, социального строя, организации производства и т.п.» [8, с. 276].

Факты идеологии, социального устройства, развития промышленности и экономики, так же как факты духовного развития общества, его менталитета, в определенное время воспринимаются исследователями по отдельности, но осмысливаются в целостности, как символы или, точнее, как векторы исторического развития. Поэтому Карсавин определяет философскую публицистику как «историческое познание настоящего с направленностью этого познания в более или менее отдаленное будущее».

При таком подходе философская публицистика требует проводить аналогии между прошлым и настоящим, а значит, ее нельзя определить, исходя из тематического принципа. Любая тема, любой факт можно использовать, если рассматривать их влияние на общество, на общественную жизнь. Философская публицистика воссоздает отношения между личностью и обществом, рассматривает поведение власти по отношению к отдельному человеку, а исторический фон позволяет сравнивать современность с прошлым и заглядывать в будущее. Она возникает на стадии «раздвоения» или «расщепления» исторического познания, когда, по словам Н.А. Бердяева, появляется «возможность противопоставления исторического объекта и субъекта» [4].

Таким образом, философская публицистика пытается разглядеть в конкретной проблеме или частном

факте отблеск вечной истины, свидетельство мировой гармонии или изначального хаоса и распада.

Из двух «проклятых вопросов» русской истории философская публицистика занята в основном вторым — «что делать?», т.е. вопросом обустройства общественной жизни, чтобы реализовалась главная наша «мечта-идея»: «Человек рожден для счастья, как птица для полета», сформулированная великим гуманистом В.Г. Короленко, которого И.А. Бунин недаром назвал «живая совесть русского народа».

Суть гармоничных взаимоотношений в государстве пытался сформулировать еще Аристотель, который «высшим из всех благ» считал такое универсальное общение, такой общественный диалог, который приводит к пониманию общих целей и задач, т.е. к «*bonum commune*» (общему благу) [3, с. 376].

В видении Аристотеля при «правильном» общении государство процветает, общество устроено справедливо, и люди счастливы. Стремление к диалогу, по мнению философа, заложено в самой природе человека, мечтающего создать государство, основанное на добродетели, справедливости и праве. «Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилom справедливости, является регулирующей нормой человеческого общества» — мнение Аристотеля совпадает с нашим сегодняшним видением жизни социума и находит, в свою очередь, отражение в Конституции Российской Федерации. Однако, определив общие представления о государстве и прописав их в Основном законе, мы часто видим несоответствие того, как есть, и того, как должно быть, т.е. расхождение повседневной практики и декларируемого «общим договором» блага.

Особенно ярко расхождение представлений и реальности в последнее время проявилось в ходе общественной дискуссии о реформе образования. Заслуженный учитель Евгений Ямбург в недавнем публицистическом выступлении написал так: «Победная поступь наших преобразований, затрагивающая все без исключения сферы жизни, включая образование, обостряет у людей шестое чувство, которое я бы обозначил как инстинкт социального самосохранения... наших сограждан на мякине не проведешь. «Чуйка», основанная на богатом историческом опыте, подсказывает им, что что-то здесь не так. В конце концов, сталинская, брежневская и последующая конституции не скупилась декларировать широкие права трудящихся, а автор сталинской конституции Н.И. Бухарин, подробно прописавший все замечательные статьи Основного закона, был убежден, что перехитрил диктатора. За что и поплатился жизнью. Людей, прежде всего, интересуют не правильные гладкие тексты закона, а то, как будет на самом деле; иными словами, правоприменительная практика, которая, как известно, не самая сильная сторона нашего трижды социального государства [18].»

Такие публицисты, как Ямбург, берутся за перо по принципу «не могу молчать», так как видят цель публицистики в служении общественной нравственности, общественной справедливости, общественному праву. В данном случае публициста возмущает подмена ценностей: «...если задаться целью дойти до... сути, становится очевидно, что 83 ФЗ толкает учреждения образования (а так же медицины и культуры) на расширение платных образовательных услуг. Иначе им не выжить. Тем самым, закон фактически превращает бюд-

жетное учреждение в аналог коммерческой организации, критерием эффективности которой является извлечение доходов... Он фактически открывает шлюзы для монетизации образования. Ласковой рукой, обернутой в закон «Об образовании», государство гладит граждан по головке, усыпляя их бдительность, навевая сладкие грезы о доступности и бесплатности. Одновременно оно же змеиным педагогическим шепотом (есть такой испытанный прием в арсенале прикладной педагогики, когда внешне корректный учитель, понизив тон, с улыбкой на устах еле слышно говорит такое, от чего у ученика в жилах стынет кровь) дает понять директору: «Хватит сидеть на шее у государства. Крутись, как хочешь, зарабатывай деньги сам. Но при этом, не допуская жалоб, не увеличивая социальной напряженности» [18].»

Далее публицист моделирует развитие событий, исходя из обозначившей себя общественной тенденции, и формулирует свое личное отношение к такому сценарию: «Ухудшение образовательного климата не менее опасно для страны, чем ухудшение климата инвестиционного. Из своих собственных впечатлений и общения с коллегами знаю, что сегодня наметился отток талантливых юношей и девушек... Уезжают дети из семей среднего достатка, родители которых скопили стартовый капитал, позволяющий молодым людям продержаться за рубежом первое время. Хорошо подготовленные НАМИ ребята, владеющие иностранными языками, уверены в своих силах. Надеются они на то, что западная система образования, стимулирующая хорошую учебу при помощи грантов и иных преференций, позволит им успешно завершить образование за рубежом. Мне лично это обидно. Бегство капиталов беспокоит меня меньше, неже-

ли исход талантливых детей из страны, поскольку вместе с ними исчезают надежды на ее будущее».

На примере выступления Ямбурга в «Новой газете» мы видим в публицистике не только описание отдельных событий, поступков, намерений и теорий, но также их взаимную связь, основанную на душевных движениях и на определенном убеждении или мировоззрении. Умение публициста-мыслителя связать факты действительности и философские представления о человеке и обществе являются еще одной важной характеристикой публицистики. В конце концов, философия нужна в первую очередь для того, чтобы помочь постижению сути дня сегодняшнего. Проведем аналогию с девятнадцатым веком. И.С. Тургенев писал о поисках молодого поколения сороковых годов: «Мы тогда в философии искали все на свете, кроме чистого мышления» [15, с. 516].

Это подчеркивал и П.Я. Чаадаев, говоривший о единстве социального мира и философии. Он писал: «Оба эти мира в настоящее время... составляют один общий мир».

О том, что публицистика предполагает, прежде всего, обмен идеями, писал в начале XX в. один из первых историков печати, Людвиг Саломон. Он считал, что «идейный обмен», лежащий в основе культурной деятельности цивилизованных народов, и привел к возникновению прессы. Журналистика очень быстро прошла путь от «распространения новых известий» до обсуждения ключевых вопросов современности: «...развилась определенная критическая оценка общего положения дел. Газета... сделалась рупором общественного мнения. Но она не остановилась на этом; она овладела образованием эпохи, она стала рассадником просвещения в широких слоях населения,

источником духовной жизни масс, черпающих свои знания почти исключительно из газет» [12 с. 4].

Однако общественное мнение в России объединяется и выступает как единая целенаправленная сила лишь в короткие переломные или судьбоносные периоды истории. Оно не следит за действиями власти непрерывно, точнее, оно не складывается как единое мнение всего народа, всей нации. Оно отражает, как правило, позицию различных социальных групп или политических партий.

Существует также и проблема отношений между изданием и публицистом, между позицией периодического издания и мнением отдельного автора. Разумеется, мнения отдельных авторов не всегда совпадают с мнением редакции, но всегда связаны с этим мнением. Вот почему и наш анализ должен учитывать зависимость каждого публициста от системы понятий, выработанных редакцией. Разумеется, не следует упрощать это единство, принимать его как обязательное и непреложное условие. Вспомним упомянутую выше публикацию в журнале «Русский репортер». «В ближайшее десятилетие на медиарынке выигрывают те СМИ, — считают авторы, — которые, сохранив высокие стандарты журналистского труда, смогут стать для своей аудитории социальным навигатором, т.е. той силой, которая формирует законченную версию мира, отвечает на главные вопросы вечности и современности» [6].

Публицист не только осмысляет действительность, но и сам создает «обжигающие смыслы», обращаясь к аудитории. Так, например, произошло с понятиями «народность», «народ», «русская идея», «интеллигенция». Как известно, в начале XIX в. слово «народность» воспринималось как новое и еще не утвердившееся

понятие. Это была скорее эмблема, чем философская категория или художественный образ. По словам А.С. Пушкина, «никто не думал определить, что понимает он под словом народность» [10, с. 28]. И все же сам Пушкин попытался хотя бы для себя, в черновой записи, определить смысл народности — «особенная физиономия, которая более или менее отражается в зеркале поэзии». Иначе говоря, Пушкин рассматривал народность как поэтическое, литературное отражение национальных особенностей — «климат, образ правления, вера», «тма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу».

Народность связана с настроением, эмоциями, с выбором темы. Вот что писал Вяземский, рецензируя поэму «Кавказский пленник»: «Слишком долго поэзия русская чуждалась природных своих источников и почерпала в посторонних родниках жизнь заемную, в коей оказывалось одно искусство, но не отзывалось чувству биение чего-то родного и близкого» [7, с. 48].

Очень скоро народность из лозунга-эмблемы с неопределенным литературным содержанием становится мифологемой, элементом теории официальной народности. Включая понятие народности в свою доктрину, министр народного просвещения граф С.С. Уваров не прояснил ее содержание, но придал ей официозный, государственный характер. Народность определяется не столько национальностью, сколько приверженностью патриархальным установкам и ценностям, которые рассматриваются как вечные и неизблемые — православие и самодержавие. В связи с десятилетием пребывания на посту министра народного просвещения в 1843 г. Уваров писал: «Посреди быстрого падения

религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий... надлежало укрепить отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала России, ей исключительно принадлежащие, собрать в одно целое священные останки ее, составляющие отличный характер ее народности и на них укрепить якорь нашего спасения. К счастью, Россия сохранила теплую веру в спасительные начала, без коих она не может благоденствовать, усиливаться, жить... Без любви к вере предков народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова... Спасительное убеждение, если Россия живет и охраняется духом самодержавия сильного, человеколюбивого, просвещенного, должно проникать народное просвещение и с ним развиваться. Наряду с сими двумя национальными началами находится и третье, не менее важное, не менее сильное: народность. Вопрос о народности не имеет такого единства как предыдущие; но тот и другой проистекают из одного источника и связуются на каждой странице Русского царства. Относительно народности все затруднение заключалось в соглашении древних и новых понятий; но народность не заставляет идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, переменяет наружный вид свой по мере возраста; черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна. Неуместно было бы противиться этому периодическому ходу вещей; довольно, если мы сохраняем

неприкосновенным святилище наших народных понятий, если примем их за основную мысль правительства, особенно в отношении к отечественному воспитанию» [16, с. 106–108].

Публицист особо выделяет исследуемое понятие, как бы сакрализует его. Так идея народности была внесена в массовое сознание и начала свою собственную жизнь, подвергаясь, в свою очередь, мифологизации. В миф органически включался образ народа, переживающего в своей истории запоминающиеся события «непреходящего значения», которые продолжают влиять на нашу жизнь. Однако же, как отмечает К. Хюбнер, «нация, понимаемая сквозь призму мифа, определяется через архетипически понимаемую историю» [17, с. 326].

Публицист-славянофил К.С. Аксаков в свою очередь показал два различных и одинаково возможных толкования слова «народность», возводя его к категориям «этнос» (*ethnos*) и демос (*demos*). Он писал о синонимических понятиях «нация» и «народ», указывая на их глубинное различие. Если народ — «нечто движущееся и образующееся», то нация — всего лишь «одна из форм его образования»: «Слово нация понимаем мы в тесном значении как высшее определение человека до особенности; под народом подразумеваем мы то, что определяется, что переходит различные оттенки» [2, с. 165]. Таким образом, в категорию «народность» Аксаков вкладывает представление о многообразии, об «оттенках», которыми обладает народ. Брат публициста И.С. Аксаков писал в газете «День», что «народ не есть собрание единиц, а живой, цельный организм, живущий и действующий самостоятельно и независимо от лиц, составляющих народное множество; организм, ...где самая нравствен-

ность определяется скорее обычаем, бытом, нежели личным убеждением единиц» [1, с. 168].

Современное смысловое наполнение понятия «народ» мы находим у В.Г. Распутина: «Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают все население или всего лишь простонародье. Он — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, врученные нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определенного часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавших ее веков. Достоевским замечено: «"Не люби ты меня, а полюби ты мое", — вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему». Вот эта жизнь в «своем», эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная «утварь» национального бытия и есть мерило народа. Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Все, что могло купиться на доллары и обещания, — купилось; все, что могло предавать, — предало; все, что могло согласиться на красиво-уничижительную и удало-развратительную жизнь, — согласилось; все, что могло пресмыкаться, — пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст» [1].

Наполняя смыслами понятия народа и народности, публицисты опирались одновременно не только на устоявшиеся в обществе представления, но и на современные им философские теории. Таким образом, для философской публицистики приоритетным оказываются представления научные, организованные, ко-

торые подлежат переосмыслению, переработке или перекодировке. Она улавливает вызовы времени, переводит их в образы и передает эти образы общественному сознанию, актуализируя в гражданском восприятии важные в данную эпоху мировоззренческие основы. Тем самым она служит каналом связи между обыденным и научным сознанием.

Как и любой текст, философская публицистика проходит через несколько познавательных этапов, прежде чем привлечет внимание читателя. А.А. Потебня определял эти этапы как представление, понятие, суждение. Основой образа он считал вторичную апперцепцию, т.е. переосмысление уже знакомых понятий и образов при их вторичном (повторном) узнавании. Поэтому первичный уровень текста правильно называть уровнем события. На этом уровне уместно говорить о предметных образах, деталях. Второй уровень сообщает об участниках действия. Как раз здесь уместно говорить и о мотивах действий и об их цели. Назовем это уровнем личностного целеполагания. Однако событийный и личностный уровни еще не исчерпывают содержательный, смысловой пласт текста. Требуется также объяснение сущности происходящего, авторское суждение, комментарий. Это может быть научный анализ, а может и всего лишь авторская риторика. Комментарий событий может соседствовать с эмоциональной оценкой.

Уровень авторских суждений нельзя вычленить в каком-то одном месте текста. Этот уровень не столько композиционный, сколько понятийный, позволяющий проникнуть в структуру сообщения. Мы имеем дело не с намерением, а с раскрытием авторского восприятия событий. Поэтому нас волнует не цель событий, а цель автора, цель публикации.

Эта цель может проявиться на уровне суждений, но может и остаться невысказанной. Выбор автора определяется методами, способами его анализа, системой аргументации. Это уровень кодирования текста, работы языка общения с читателем. От понимания кода зависит и понимание смысла сообщения. В том числе авторского «послания» или «предупреждения» читателя. Это уровень идей или уровень логических решений. Наконец, высший уровень — это уровень образа. Однако он применим не ко всем текстам. Далеко не каждый публицистический текст можно воспринять как единый целостный образ. Выбор кода влияет на характер образа и способ решения поставленной проблемы. Разумеется, под кодированием мы понимаем не просто письменное закрепление мыслей автора, но определенный прием, заставляющий читателя осознать проблему целиком, причем часто увидеть ее в неожиданном ракурсе, и вместе с тем показать возможные способы дальнейшего действия, поведения или решения проблемы. Как правило, кодирование выявляет коренное противоречие ситуации. Поняв это, т.е. декодировав сообщение, читатель уже способен самостоятельно подойти к решению. Вспомним, что сама история, т.е. источник социального и философского знания и размышления уже предполагает изначальное противоречие. Н.А. Бердяев объяснил это в работе «Смысл истории»: «Историческое познание происходит через «раздвоение», «расщепление», чтобы явилась возможность противопоставления исторического «объекта» и «субъекта». Мысль должна быть обращена и к восприятию исторического, и к его осмыслению» [4].

Это положение применимо не только собственно к истории, но так-

же к философской публицистике, поскольку она подчиняется историческим закономерностям и исходит именно из них. При этом в каждой конкретном публицистическом выступлении, возникает особое пространство, существующее по тем же законам, что и пространство культуры. По мнению исследователей, это пространство «фундаментально подобно» мифопоэтическому пространству [9, с. 67]. Эти фундаментальные свойства включают в себя моделирование архетипов, противопоставление упорядоченного мира и пространства хаотическому. Отделяясь от хаоса, не-пространства, мифопоэтическое пространство распространяется, разворачивается вовне, из некоего центра, изначальной точки, чрез которую и проходит «стрела развития, ось разворота» [14, с. 341]. Что же представляет собой эта «ось» или «стрела», в чем ее назначение? Она должна указать нам знаки, которые охватывают и представляют целостный, глубинный образ мира. Ф. Бродель утверждает: «Существуют знаки, фундирующие мир в целом» [5].

Основой любого кода становится символ — это любой условный знак, который подчиняется только своим правилам, точнее, правилам той системы, в рамках которой он существует. Для нас важно, что с точки зрения семиотики символ «наименьшим образом связан с изображаемым и обычно... используется для кодирования и получения соответствующего вывода, рано или поздно... применимого к реальной жизни» [13, с. 104–105]. Следовательно, символ в конечном счете должен найти применение в реальности и должен эту реальность отразить в целостности. Кодом может стать ситуация, высказывание, образная деталь, историческое (литератур-

ное или научное) сопоставление, художественный символ. Поэтому можно выделить коды линейные, логические, коды предметно-ситуационные, информационные (уточняющие, утверждающие или опровергающие предыдущие сообщения), собственно символические. Каждому такому коду соответствует свой прототип, свой архетип. Дело в том, что мифопоэтическое представление о мире подсознательно присутствует в каждом публицистическом тексте. Архетипическая антитеза «свое — чужое», «истинное — ложное», «свет — тьма», «добро — зло», «честность — бесчестие» пронизывают все наше мышление. Но чаще всего они остаются на уровне констатации, на уровне типологической характеристики и не требуют выхода за пределы текста. Архетипы лишь подразумеваются, публицист опирается на них, причем не всегда осознанно, поскольку, разворачивая картину событий, не меняет кардинально представления читателей о современности, а только проясняет ее. Когда же задача автора — принципиально изменить взгляды аудитории, в тексте появляется художественный символ, прямо отсылающий к мифопоэтическому архетипу. Публицист тогда приписывает сакральные, трансцендентные свойства уже известным или новым фактам, утверждая их сходство или даже тождественность с тем, что делали предки. Архаическое представление не просто отождествляется с современностью, оно связывает современность с традицией, объясняет подлинный смысл происходящего как ступень или эпизод в уже историческом процессе. Язык вообще, по мнению исследователей, обладает особой функцией «создания иллюзий» [13].

Публицистика также способна создавать иллюзии, но ее назначение

состоит в развенчании иллюзии, освобождении читателя от иллюзий. Разумеется, публицист может ошибаться, может неточно выразиться, может даже сознательно исказить реальность. Но это не влияет на правило, на исходную функцию публицистики. Мифопоэтическое пространство, создаваемое в статье при сознательном обращении к архетипам, можно считать «онтологическим продолжением» возникшей семиотической системы, требующей «экспериментального подтверждения» [13].

Следует отметить, что мифологическое мышление само осуществляет ряд операций, т.е. последовательных действий, что и позволяет сближать его с математическими операционными системами. Обратим внимание на такие обязательные элементы мифопоэтического пространства, как центр, периферия, путь. Нас особенно интересует именно категории я пути, так как публицистика чаще всего пытается моделировать ситуацию выбора пути, т.е. пути исторического, познавательного, политического, просто выбора решения. В таком случае мифопоэтическое пространство и мифопоэтическое восприятие публицистического текста направлены на понимание «мифопоэтических операций» — дробления и восстановления целостности мира.

Публицистика также пристально вглядывается в «ключевые» состояния общества, анализирует начало и ход реформ и правительственных распоряжений, критикует или поддерживает действия власти и т.п. И также

как в мифологии, в публицистике это внимание связано с представлением о безопасности человека, общества, о свободе или стеснении общественного мнения и т.п. На уровне мышления этому соответствуют анализ и синтез персонажей публицистических статей, ставших носителями мифопоэтического сознания. Символ в публицистике также как и в мифологии служит преодолению органичности данного пространства, усвоению новых идей и постановке новых задач.

Если же публицистический текст касается вопросов частных, не принципиальных, его можно оценить, используя внутрисистемные критерии семиотики: «обоснованность вывода с точки зрения правильности его получения; органичность его в связи с другими релевантными идеями системы; емкость и эlegantность вывода как по способам его получения, так и по его конечной редакции» [13].

Таким образом, философская публицистика не только определяет картину современной эпохи, но и обеспечивает преемственность традиции. Кроме того, она формирует духовный контур дня грядущего. Особенно актуальна такая публицистика в период общественной трансформации и ценностного кризиса. Вслед за Гамлетом публицист в «минуты роковые» горько сетует на то, что «Распалась связь времен // Зачем же я связать ее рожден». Но без связи между прошлым и будущим человек утрачивает смысл жизни. Идеи, необходимые обществу для наполнения жизни смыслом, как раз и формулирует философская публицистика.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков И.С. Сочинения. Т. 2. М., 1996.
2. Аксаков К.С. О некоторых современных собственно литературных вопросах // Вопросы философии. 1990. № 2.
3. Аристотель. Политика // Сочинения в 4 тт. Т. 4. М., 1984.
4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1992.
5. Бродель Ф. Игры обмена. М., 1987.

6. Веселов А., Дятликовский В., Карцев Д. и др. Дивный информационный мир // Русский репортер. 2012. № 35 (264).
7. Вяземский П.А. О «Кавказском пленнике», повести, соч. А. Пушкина // Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1982.
8. Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993.
9. Никитаев В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры // Вопросы философии. 1998. № 3.
10. Пушкин А.С. О народности в литературе. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 7. Л., 1978.
11. Распутин В.Г. Поле битвы — сердца людей // Наш современник. 2012. № 3.
12. Саломон Л. Всеобщая история прессы. СПб., 1902.
13. Соломончик А. Язык как знаковая система // Семиотика и лингвистика. М., 1995.
14. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
15. Тургенев И.С. Воспоминания. М., 1984.
16. Уваров С.С. Десятилетие Министерства народного просвещения: 1833–1843. СПб., 1864.
17. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
18. Ямбург Е. Сумерки просвещения // Новая газета. 2012. № 105 (1953).